

Э. Лёверс*

ОТ ЗАЩИТЫ «ОБЕЗДОЛЕННЫХ» К ЗАЩИТЕ «НАРОДА». ПУТЬ АДВОКАТА РОБЕСПЬЕРА

Статья посвящена наименее известному периоду жизни М. Робеспьера – тому времени, которое он посвятил карьере адвоката. Первые тяжбы, первые литературные опыты, признание друзей и коллег – все это привело его в ряды граждан Литературной республики и позволило приобрести те навыки и умения, которые позднее окажутся ему необходимыми в качестве политика. В центре внимания автора путь Робеспьера от «адвоката обездоленных» к «защитнику народа». Статья построена на малоизвестных документах, вышедших из-под пера Робеспьера в 1780-х гг.

Ключевые слова: М. Робеспьер, Франция, Просвещение, Французская революция, юриспруденция.

Прежде чем стать депутатом, Робеспьер, как и многие другие члены Генеральных штатов 1789 года, был адвокатом. Если объединить в одну группу (как это делали его современники) адвокатов, которые занимались только защитой, и людей, которые помимо этого имели одну или несколько судебных должностей, то эта группа насчитывала 259 человек из почти 1200 членов Ассамблеи¹. Хотя они и были носителями общей культуры (что отчасти объясняет юридический дух будущего Учредительного собрания), всё же они имели разные политические взгляды и профессиональное прошлое: они практиковали в разных по авторитетности судебных органах, имели различное имущественное положение и известность². В этой группе можно также выделить три ти-

* Эрве Лёверс, профессор Университета Лилль III, главный редактор журнала *Annales historiques de la Révolution française*.

¹ По данным Эдны Лёмэй: Lemay E.H. La composition de l'Assemblée nationale constituante: les hommes de la continuité // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1977. № 24–3. P. 345, 352.

² Tackett T. Par la volonté du peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997. P. 45–46.

па адвокатов. Во-первых, «настоящие» адвокаты, которые занимались исключительно судебными прениями, консультациями или составлением жалоб и исков, как, например, Тронше. Иногда они также работали на правительство: это – адвокаты-юрисконсульты, такие как Мерлен (из Дуэ), которые создали себе имя благодаря участию в подготовке правовых трудов. И, наконец, третья категория объединяет адвокатов-литераторов, чья юридическая деятельность отражает пристрастие к академическим дебатам и художественной литературе... Робеспьер был как раз из последних.

Конечно, сам по себе адвокатский опыт не объясняет весь путь до депутата Учредительного собрания. Однако его изучение поможет нам понять определенные формы участия в политической жизни. В случае с Робеспьером речь идет о его поразительном владении риторикой, о его понимании силы общественного мнения, об интересе к печатной продукции, связанном отчасти с его адвокатской практикой, о внимательном отношении к академической жизни и о желании выступать защитником в «знаменитых делах», то есть тех делах, которые становились объектами споров или скандалов во Франции конца XVIII в. В 1780-х гг. Робеспьеру удалось создать образ адвоката «обездоленных», который, даже будучи спорным, все же говорит нам кое-что о том, какие дела его интересовали. В 1789 г. его приход в политику очень быстро сделал из него защитника «народа». Робеспьер открыл для себя политику именно как адвокат.

Вести тяжбу, писать и выносить приговор

Молодые адвокаты из Арраса, так же как из Дуэ и Нанси, целиком погружались в свою профессию сразу же после принесения присяги. Ничто не мешало громкому началу их карьеры. В 1782 г., менее чем за год, молодой Робеспьер и сам получил возможность весьма успешно изучить различные стороны своей новой профессии: он вел тяжбы, составлял жалобы и даже получил место судьи в одном из низших судов, хотя обычно такие должности доставались уже более зрелым адвокатам. Казалось, Робеспьеру предстояло сделать прекрасную карьеру.

После нескольких лет обучения в коллеже Людовика Великого в Париже Робеспьер приступил к изучению права в столичном университете, оставаясь административно прикрепленным к своему престижному коллежу. По окончании традиционного трехлетнего курса он сдал экза-

мены и получил патент 15 мая 1781 г., что позволило ему начать адвокатскую карьеру. 5 августа 1781 г. Робеспьер принес присягу в том самом Парижском парламенте, куда приходил, еще будучи студентом, где слушал тяжбы, которые вели известные люди, и где впервые начал мечтать об адвокатской мантии. Но работать он хотел не в столице. Даже не приступив к стажировке, которую должны были проходить все молодые юристы, он отправился в Аррас, где 8 ноября того же года вновь принес присягу. Эта двойная присяга не должна удивлять. Хотя Аррас и был столицей провинции, там находился обладавший лишь частичным суверенитетом Совет Артуа (*Conseil d'Artois à la souveraineté imparfaite*). И хотя Совет, как и парламенты, занимался уголовными делами в качестве суда последней инстанции, на его решения по наиболее важным гражданским делам можно было подать апелляцию в Парижский парламент. Таким образом, некоторые дела Артуа получали свое окончательное разрешение в Париже, что привело к созданию крепкой связи между этими двумя судебными органами, которым молодой Робеспьер и принес свою присягу. Кроме того, парижская присяга давала ему возможность подписывать некоторые из своих жалоб и исков как «парламентскому адвокату», то есть гораздо более авторитетным званием, чем ранг адвоката менее важного провинциального Совета.

С 1782 г. Робеспьер начал постигать различные стороны своей новой профессии. В феврале он впервые вел дело в Совете Артуа, участвуя в процессе, получившем широкую местную огласку и послужившем поводом для публикации многочисленных мемуаров. Дело было проиграно, но красноречие и решительность молодого адвоката произвели впечатление. Один из жителей Арраса, некий Ансар, написал своему парижскому корреспонденту: «Говорят (сам-то я не слышал), что своей манерой изложения, выбором выражений, четкостью речи он оставляет далеко позади себя всяких там Либорелей, Демазьеров, Брассаров, Бланкаров и даже знаменитого Доше»³. Множество биографов, удивленных таким энтузиазмом, посчитали, что это было написано с некоторой долей иронии. Но дальнейшая карьера Робеспьера и особенно доверие, которое меньше чем через год после этого процесса оказал ему его коллега Бюиссар, поручив Робеспьеру прения по знаменитому делу о громоотводе Сент-Омер, доказывают, что карьера молодого адвоката началась при поддержке его коллег.

³ Цит. по исследованиям Эмиля Лезюёра: *Œuvres complètes de Maximilien Robespierre* (далее OMR – Э.Л.), Р., 1913. Vol. 2. P. 23.

В том же 1782 г. Робеспьера пригласили подписать в числе прочих его первое опубликованное юридическое мнение (*consultation*), использованное в дальнейшем в иске об отмене завещания, составленного из ненависти к религии. Впрочем, сама структура этого документа, равно как его стиль и упоминания о гуманности, позволяет сегодня предположить, что автором этого документа мог быть сам Робеспьер. Как бы то ни было, мэтр Робеспьер начал тогда карьеру, которая отнюдь не ограничивалась одними исками и тяжбами. В марте 1782 г. епископ Арраса назначил его судьей городской Епископской палаты, то есть сеньориального судебного органа епископства. В этом качестве Робеспьер вместе с другими адвокатами должен был заниматься различными гражданскими и уголовными делами в «граде» Аррасе, который был древней церковной частью города, а также в некоторых окрестных деревенских приходах.

Этот двойной статус адвоката и судьи не был в достаточной мере учтен историками, которые изучали карьеру молодого Робеспьера. Оценивать его деятельность необходимо с учетом его многочисленных занятий, а также, как мы это увидим в дальнейшем, принимая во внимание то, как именно он вел дела. Однако, к несчастью, существенная часть источников, которые позволили бы изучить этот вопрос, пропала в 1915 г. во время пожара в Департаментском архиве Па-де-Кале. И все же не все следы деятельности Робеспьера были утеряны. Благодаря исследованиям Эмиля Лезюера, проведенным в начале XX в., известно, что Робеспьер часто посещал судебные учреждения Арраса, в частности, Совет Артуа, где он принес присягу. С 1782 по 1789 г. он ежегодно вел там от 12 (1785) до 24 дел (1787). Бесспорен и тот факт, что в период с 1786 по 1787 год он работал активнее всего, а в 1788 г. его активность несколько снизилась⁴. Робеспьер вел дела и в других судебных органах своего города: в суде эшевена, бальяжа, в финансовых судебных органах «выборных» и в различных сеньориальных судах.

Эти цифры, даже если они лишь отчасти отражают его адвокатскую деятельность, не позволяют причислить Робеспьера к наиболее занятым адвокатам Арраса, в адвокатской коллегии которого насчитывалось 90 человек. Однако даже если его активность не была столь высокой, как

⁴ Робеспьер вел тяжбы в Совете Артуа по 13 делам в 1782 г., по 18 – в 1783 г., по 13 – в 1784 г., по 12 – в 1785 г., по 22 – в 1786 г., по 24 – в 1787 г., по 17 – в 1788 г. и по 16 – в 1789 г. По данным Эмиля Лезюёра – OMR. Vol. II. P. 25–26.

у Либореля, Доше и Гюффрау, это не означает, что она была менее значимой или менее известной, тем более что он работал не только в Аррасе, но и в судебных органах за пределами города, например, в суде эшевенон в Лилле (1784) и в парламенте Фландрии (1787). К тому же согласно большинству свидетельств его современников, молодой Робеспьер в совершенстве владел искусством не только устного слова, но и письменного составления жалоб и исков, благодаря чему очень скоро был признан «светочем» артуазской коллегии адвокатов, если верить Бабёфу... Конечно, это мнение разделяли не все. Так, Шарлотта Робеспьер уверяет, что «в Аррасе были люди, хотя и не слишком много, которых коробило то, как Максимилиан вел дела и составлял жалобы; они говорили, что его манера выражаться была странной»⁵.

Адвокат как литератор

Действительно, молодой адвокат понимал свою профессию иначе, чем большинство его коллег. Для него карьера адвоката не ограничивалась суровым и беспрестанным изучением права, составлением профессиональных документов и судебных речей, изобилующих цитатами на латыни и ссылками на законы, обычаи, римское право, толкование законов или на прецедентное право судебных решений. Для этого молодого специалиста, выучившегося в столице, начать карьеру в области права означало также приступить к литературной деятельности. И в этой области, как и во многих других, его первые начинания увенчались успехом. Не ему ли Академия Меца дала второй приз за ответ на вопрос об истоках и значении тезиса, «распространяющего на членов семьи часть позора, связанного с бесчестными наказаниями, которым подвергается виновный», и о способах изменить эту ситуацию?⁶ Осенью 1784 г. в благодарственной речи к Королевскому обществу лауреат признал, что не смог бы получить, «начав литературную и адвокатскую карьеру, более значимого и лестного поощрения»⁷. Для Робеспьера карьера в области права была невозможна без литературной деятельности.

⁵ Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères. P, 1835. 2ème éd. P. 70.

⁶ По поводу этих академических конкурсов, посвященных борьбе с преступностью и наказаниям см.: Lüsebrink H.-J. Les représentations sociales de la criminalité en France au XVIIIe siècle. Thèse EHESS, dir. D. Roche, dactylographiée. 1983. P. 199–204, 249–251. Об участии в академических конкурсах см.: Caradonna J.L. Prendre part au siècle des Lumières. Le concours académique et la culture intellectuelle au XVIIIe siècle // Annales. Histoire, Sciences sociales. 2009. № 3. P. 633–662.

⁷ OMR. Vol. 3. Pt. 2. P. 7.

Впрочем, не доказал ли он это и во время двух тяжб по делу о громоотводе Сент-Омера? Когда адвокат Бюиссар поручил своему молодому коллеге защиту этого дела в Совете Артуа, злключения господина Виссери уже получили известность в «литературной республике» (*République des lettres*). Открытый научным веяниям, этот богач, живший в Сент-Омере, установил на самой высокой трубе своего дома громоотвод в мае 1780 г. Но то ли из страха, то ли из желания отомстить за прошлые распри некоторые из его соседей обратились к муниципальным судебным властям, которые приказали снять этот «проводник электричества». Не сумев помешать исполнению судебного постановления, Виссери решил обжаловать дело в Совете Артуа, где адвокат, так же увлеченный физикой, как и он сам, взялся собрать факты и аргументы, способные убедить суд. В большой судебной жалобе адвокат Бюиссар заявил о незаконности судебного решения эшевендов в Сент-Омере как по своей форме, так и по существу... Но чтобы убедить судей, нужно было также защитить дело в суде. И здесь в мае 1783 г. слово взял молодой Робеспьер. Его речь отнюдь не была бледной копией иска Бюиссара. Оба выступления Робеспьера поражали новизной благодаря живости стиля и силе аргументов: связав дело своего клиента с честью Артуа и славой магистратуры, безусловной опоры наук, адвокату удалось добиться судебного решения, согласно которому Виссери смог вновь установить свой громоотвод.

По своей природе и по тем отголоскам, что вызвал в обществе процесс Виссери, это было далеко не обычное судебное дело. Конечно, в данном случае речь идет о знаменитом процессе. Из всех дел, которыми занимался Робеспьер, это было единственное, получившее отклик на национальном уровне. Но это, безусловно, объясняется прежде всего академическим значением дела. В конце века, когда открытия в физике, в частности в области электричества, увлекали литературных деятелей, этот процесс имел более широкий культурный смысл. Бой, который вели Бюиссар и Робеспьер, был боем науки и прогресса, и он привлек внимание не только любителей знаменитых дел. Так, иск Бюиссара и судебные речи Робеспьера были одновременно изданы в Аррасе и Париже, причем не книгой форматом в четвертую долю листа, как традиционные судебные публикации, а в меньшем – в восьмую долю листа, предназначавшимся для более широкой публики. Более того, дело прокомментировали наиболее крупные периодические издания «литературной республики», как, например, *Mercure de France* и *Journal des savants*. И именно благодаря успеху речей по делу о гро-

моотводе Робеспьер был вскоре – в ноябре 1783 г. – принят в состав Академии Арраса.

В последующие годы Робеспьер продолжал сочетать академическую карьеру и карьеру адвоката. Оба этих направления, которые нельзя было бы четко разделить, часто пересекались при изобличении предрассудков, например, страха перед научными новинками в деле Виссери (1783) или в вопросе об бесчестье, падающем на членов семьи осужденного, обсуждавшегося в рамках конкурса Академии Меца (1784). Позор, который ложится на родителей осужденного, – предрассудок (1784–1785); лишение прав бастардов и внебрачных детей – предрассудок (1784–1785, 1786); надежда на восстановление порядка в обществе благодаря королевским указам о заточении или изгнании без суда и следствия – предрассудок (1784, 1789); создание неблагоприятных условий при суде с процентами – предрассудок (1786); отстранение женщин от академической жизни – предрассудок (1787); неравенство перед законом и судом – предрассудок (1787)! Предрассудки – «бедствия этого мира», – писал Робеспьер⁸. Они разрушают счастье, препятствуют свободе, тормозят прогресс: «Я размышлял о том, – пишет он в своем иске по делу супругов Паж, – сколь много полезных истин, признанных и торжествующих сегодня, в течение стольких веков отрицались в силу привычки и предрассудков!»⁹ Академические и судебные дела иногда соединялись в одно целое, придавая судебным искам Робеспьера ту тональность, которая должна была поражать его современников.

Школа знаменитых дел

До нас дошло мало свидетельств работы адвоката Робеспьера. Его деятельность в этом качестве иллюстрируют лишь немногие документы. От его защитных речей сохранилось только несколько упоминаний в судебных записях и два выступления по делу о громоотводе (1783); от его ходатайств и трудов в качестве консультанта не осталось ничего, кроме отдельных отрывков; от его профессиональной корреспонденции – всего лишь несколько писем... Однако прекрасно сохранились его судебные иски. Речь идет об изложениях обстоятельств дела или

⁸ 18 апреля 1787 г., ответ Робеспьера на прием Луизы де Керальо в Академию Арраса. – OMR. Vol. 11. P. 193.

⁹ Mémoire justificatif pour François Page, orfèvre à Béthune, et Marie Angélique Pruvost, sa femme. Arras, Veuve M. Nicolas, 1786. P. 58 // Archives départementales du Pas-de-Calais, Barbier C 1695 (в OMR. Vol. 11. P. 49–50 можно найти лишь отсылку к концу иска).

об опубликованных исках. Двенадцать исков Робеспьера, которые мы смогли идентифицировать и с которыми мы ознакомились, предоставляют историку уникальные данные об одной из наиболее публичных граней его адвокатской профессии¹⁰. К пяти искам, ставшим известными благодаря их публикации в «Трудах Максимилиана Робеспьера», изданных «Обществом робеспьеристских исследований»¹¹, следует прибавить другие иски, которые гораздо реже упоминались или вообще были неизвестны. Пять из них не найти в «Трудах», однако они были перепечатаны в сборнике Барбье и Велле. Что касается тех двух, которые никогда ранее не упоминались и не переиздавались, то мы обнаружили один в Библиотеке Сорбонны¹², другой – в частной коллекции¹³.

Во Франции XVIII в. изложение обстоятельств дела (*factum*) имело много разных названий: чаще всего его называли жалобой или иском (*mémoire*), но иногда оно также может быть озаглавлено как собственно изложение обстоятельств дела (*factum*), краткое изложение (*précis*), заметки (*notes*), замечания (*observations*), разъяснения (*éclaircissements*) и т.п. Эти документы создавались по ходу процесса, их целью было изложение обстоятельств дела для гражданского или уголовного суда, в частности, для переквалификации опасного преступления в более мелкое (что помогало обойти запрет на предоставление обвиняемому помощи адвоката). В подобных текстах адвокат излагал фактическую сторону дела, а также доводы, с помощью которых он намеревался защищать своего клиента и заставить уважать права подсудимого. Текст вручался судье до того, как тот выносил окончательный приговор, и его могло оказаться достаточно самого по себе или же он мог послужить мотивацией для судебной жалобы. Однако такой текст не был защитительной речью, изложенной в письменном виде: «*factum*» – это специфический судебный жанр, особенно в тех случаях, когда он публику-

¹⁰ *Lewers H.* Les factums de l'avocat Robespierre. Le choix d'une défense par l'imprimé // *Annales historiques de la Révolution française.* 2013. № 1. P. 55–71.

¹¹ Уточним, что в OMR также можно найти жалобу по делу Бени (Vol. 2. P. 111–121) и судебную речь по делу де Виссеры (Vol. 2. P. 136–202).

¹² Bibliothèque inter-universitaire centrale Paris-Sorbonne, HLFA 4= 241, pièce 1 (salle de réserve): Mémoire pour les sieurs Antoine Pepin, fermier au village de Baillœul-lez-Pernes, lieutenant dudit lieu; François-Marie Pepin, fermier de la ferme de La Fertée; & Amand d'Herlin, fermier au village d'Heuchin. Contre le nommé Jacques Dubois, maquignon, demeurant au village de St. Hilaire. [Arras], s.d [1787]. 20 p.

¹³ Collection Marzet. Я благодарю мадам Марзе за разрешение ознакомиться с этим неопубликованным документом: *Eclaircissement nécessaire, dans la cause du sieur Rocard; contre Agathe Alexandre.* S.l., s.d. 7 p.

вался. Он мог быть самого разного объема – от нескольких страниц до многих сотен, предполагал предание его гласности и позволял адвокату добиться не только поддержки общественного мнения, но и принятия благоприятного судебного решения.

Хорошо известно, какую важную роль играли эти тексты в общественной жизни XVIII в. Составленные и отданные в печать адвокатами, даже если те и подписывались лишь под частью текста, они позволяли изложить факты и доводы по делу. В большинстве случаев эти *factum*, насчитывающие от десятка до нескольких сотен страниц, оставались строгими юридическими сочинениями, которые свидетельствовали прежде всего о желании выиграть дело как в суде, так и в общественном мнении. Но порой их стиль мог быть более литературным, а их содержание напрямую или косвенным образом перекликалось с важными дебатами того времени об обществе, законах и нравах, а иногда эти иски превращались в оружие в политической борьбе, например как это было в случае с янсенистскими спорами в 1720-х гг.¹⁴

Для Робеспьера эти *factum* были не просто судебными документами. По своему стилю и высказанным в них идеям они приближались к академическим работам, и примером тому может послужить его «Речь, получившая награду Королевского общества искусств и наук в Меце» (1785) или сочинение о «той части законодательства, которая устанавливает права и положение бастардов» (1786). Таким образом, нет ничего удивительного в том, что он передавал свои тексты секретарю Академии Арраса, Дюбуа де Фоссе, которому чтение этих документов и размышление над ними доставляли большое удовольствие¹⁵. Робеспьер передавал их и генеральному адвокату Совета Артуа, Фоасье де Рюзе, особенно когда дела, по которым эти тексты были написаны, находились в ведении судебных органов соседней провинции¹⁶. Он также дарил их некоторым из своих корреспондентов: в декабре 1786 г. он отправил одной даме свой иск по делу супругов Паж, обвиняемых в ростовщичестве. А в июне следующего года он приложил к своему письму, адресованному одной молодой женщине, экземпляр важного

¹⁴ Maza S. *Vies privées, affaires publiques. Les causes célèbres de la France pré-révolutionnaire*. P., 1997; Bell D.A. *Lawyers and Citizens. The Making of a Political Elite in Old Regime France*. N-Y., Oxford, 1994. P. 105–128; Leuwers H. *Les avocats défenseurs des Lumières et de la liberté? Problèmes d'analyse autour des factums // Les parlements et les Lumières / Sous dir. de O. Chalaine*. Pessac, 2012. P. 211–222.

¹⁵ OMR. Vol. 11. P. 131–135.

¹⁶ Archives départementales du Pas-de-Calais, 18 J 302 (Gosse, 1784); 18 J 218 (Boutroue, 1787).

иска по делу профессора Бутру, метившего в «славного ректора» Университета Дуэ¹⁷. Эти работы отнюдь не были простыми юридическими сочинениями; они также подчеркивают литературные амбиции автора, которые нельзя не принимать во внимание, даже если сам Робеспьер уверял, что «авторы исков» занимают лишь самое скромное место в «литературной республике»¹⁸.

Означает ли это, что все эти тексты можно сравнивать по мастерству, с каким они были составлены, с другими документами по знаменитым делам? Конечно же, нет. Были среди них в небольшом числе и записки, опубликованные по просьбе клиентов (Пепин, 1787) или близких, как, например, адвоката Госса (1784), или же ораторианцев, с которыми Робеспьер регулярно встречался в коллеже Арраса (Бербизотт, 1784). Все они, очевидно, не соответствуют этому жанру. И действительно, им не хватает двух отличительных черт, которые можно найти во всех записках, соответствующих традиции составления юридических документов для потенциально знаменитых дел. Первое – это подчеркивание исключительности дела, благодаря чему оно заслуживает особого внимания: дело Бутру было именно таким, «достойным стать знаменитым благодаря своей исключительности». Дело окулиста Рокара, которого привлекла к судебной ответственности его бывшая любовница, предъявившая этому мужчине иск о возмещении убытков, представив его как своего тайного мужа, отца ее ребенка и ее должника – это дело было «странным» и «паразитическим»¹⁹. Но потенциально знаменитое дело, и для адвоката это второй элемент в его определении как такового, характеризуется также проблемами, которые далеко выходят за рамки самого предмета иска. Оно позволяет обратиться к таким темам, как свобода граждан или исправление судебной ошибки.

Понятно, что, едва обосновавшись в Аррасе, молодой адвокат хотел показать свое исключительное мастерство в составлении юридических документов. Речь идет как о техническом мастерстве, которое выявляет безупречное владение искусством риторики, так и об эмоциональном наполнении, о демонстрации того, что адвокат хорошо чувствует на-

¹⁷ OMR. Vol. 3. Pt. 1. P. 30–31 (21 décembre 1786), p. 33–34 (26 juin 1787).

¹⁸ Ibid. P. 34–35 (6 juin 1788).

¹⁹ Archives départementales du Pas-de-Calais, 18 J 218: Mémoire et consultation pour Me Augustin-Grégoire Boutroue, professeur d'humanités, au collège d'Anchin, à Douai. Contre Me Simon, professeur en droit, & ancien recteur de l'Université de Douai. Arras, s.d. [1787]. P. 29; Archives départementales du Pas-de-Calais, Barbier C 1695: Mémoire pour le sieur Rocard, chirurgien-oculiste, pensionné des Etats d'Artois & de Cambrésis. Contre Agathe Alexandre. Arras, 1788. P. 1, 3.

строения общества²⁰. Из всех тех дел, которые он тогда защищал, наиболее известным было, бесспорно, дело ремесленника Детёфа (1784)²¹. Нет сомнений, в отличие от того, что обычно пишут: дело было на самом деле уже почти завершено, когда Робеспьер опубликовал свою знаменитую записку²². Его рассмотрели в суде, и невиновность Детёфа была признана официально! В таком случае зачем же о нем писать?

Прежде всего вспомним факты. В начале 1783 г. дом Броньяр, отвечавший за богатое аббатство Аншен, обвинил проживавшего поблизости ремесленника в том, что тот украл у него 262 луидора. Дело сначала разбиралось в сеньориальном суде, но в конце концов было передано в апелляционном порядке в Совет Арраса. Дом Броньяр, которого тем временем по королевскому распоряжению о заточении без суда и следствия поместили под стражу за различные растраты, обвинил Детёфа лишь для того, чтобы скрыть свои собственные бесчестные поступки и, быть может, чтобы отомстить за отказ сестры Детёфа ответить на его ухаживания. Дело было уже почти закрыто. Когда Робеспьер взялся за перо, его целью было отомстить за «попранную невинность» и получить справедливое возмещение. И вновь эта борьба соединилась с академическими дебатами, которые, в частности, затрагивали вопрос об исправлении судебной ошибки.

Чтобы добиться возмещения убытков, Робеспьер хотел доказать, что в этом деле действительно был виновный – и это было само аббатство Аншен. Адвокат попытался показать, что религиозное сообщество отвечает, в частности, за действия своих членов, потому что, как демонстрирует данный случай, оно само не безупречно, поскольку позволило начаться несправедливому процессу. Без сомнения, записка, опубликованная еще до формального начала этого нового этапа процесса, вызвала живой отклик противоположной стороны. Что могло шокировать, помимо изобличения эгоизма одного из самых богатых аббатов Франции, так это форма и стиль записки Робеспьера: резкость выпадов, драматизация целей, эмоциональность, призыв к общественному мнению... Впрочем, требуемый эффект был достигнут, так как аббатство,

²⁰ См.: *Guilhaumou J.* Robespierre et la formation de l'esprit politique au cours des années 1780. Pour une ontologie historique du discours robespierriste // *Mots. Les langages du politique.* 2009. № 89. P. 125–137.

²¹ *Mémoire pour François Deteuf, demeurant au village de Marchiennes; contre les grand-prieur & religieux de l'abbaye d'Anchin.* Arras, 1784. 21 p. (перепечатано в: OMR. Vol. 2. P. 234–254).

²² Однако, возможно, Робеспьер принял участие в процессе несколько раньше и вместе с адвокатом из Дуэ опубликовал другой иск, который до наших дней, судя по всему, не дошел.

чтобы избежать продолжения скандала, согласилось возместить Детёфу значительные убытки и проценты (1786).

В том же 1786 г. Робеспьер достиг вершин в своем искусстве по составлению судебных документов. Внешне дело супругов Паж выглядело довольно банально и могло бы таким и остаться. Но в руках Робеспьера оно стало поводом для начала дебатов о законе и правосудии, вновь напомнив об академических конкурсах. В Беттоне суд эшевенов признал виновной в ростовщичестве Марию-Анжелику Прюво, супругу золотых и серебряных дел мастера Пажа, и назначил ей суровое наказание: приличный штраф, выставление у позорного столба и изгнание на три года. Что касается обвинения против ее мужа, повредившегося в рассудке, то суд приостановил его предъявление. В иске на 79 страниц адвокат раскритиковал судебное решение как по фактам (не было никакого ростовщичества), так и по форме (нарушение процедуры). Однако он не ограничился рамками дела, он воспользовался им, чтобы выступить против законов, которые запрещают и наказывают ростовщичество и, процитировав Тюрго, предложил изучить «абсурдность и отрицательные стороны ложных идей, в соответствии с которыми мы были воспитаны, относительно ссуды под проценты». Более того, он обрушился на некомпетентность нижестоящих судей и, поставив под сомнение уголовное постановление от 1670 г., посетовал на «окровавленные подводные камни нашей уголовной судебной практики», на одиночество обвиняемого перед лицом судей, которое заставляет его «блуждать в этой ужасной путанице уголовной процедуры без утешителя, без советчика, без проводника и без поддержки»²³.

Гораздо решительнее, чем в 1784 г., Робеспьер включил в число своих аргументов разоблачение «правил игры» в суде, в частности, спорные моменты некоторых законов и обычаев. Как и множество других защитников по знаменитым делам он попытался прибегнуть к аргументу о неподсудности обвиняемого, то есть к защите, построенной на нарушении некоторых законов и обычаев. Его аргументация была составлена в живом и проникновенном стиле, который должен был породить страх, негодование или даже гнев. Очевидно, что адвокат обращался прежде всего к публике, которую он пытался вывести из равновесия искусными риторическими приемами. И успех не заставил себя ждать... В деле супругов Паж в январе 1787 г. Совет Артуа уступил большей части доводов адвоката. Конечно, госпожа Паж не была

²³ Mémoire justificatif pour François Page...

оправдана, но ее наказание было смягчено и заменено на предупреждение и на выплату подаяния в размере трех ливров, в то время как с ее мужа все обвинения были сняты. Однако суд потребовал устранения «выражений, наносящих ущерб власти закона и судебной практике, а также оскорбительных для судей, которые во множестве содержала опубликованная записка»²⁴. Шла ли здесь речь об унижении адвоката, как иногда о том пишут? В этом можно усомниться, так как из его дальнейших текстов видно, что адвокат продолжал упорствовать и даже акцентировал эти же приемы; они отныне стали важной составляющей его манеры защищать «несчастных», как он иногда называл своих клиентов.

Такая стратегия защиты не могла не претить некоторым видным деятелям arrasской коллегии адвокатов, которые, как, например, их современник Пройар, автор жизнеописания Робеспьера, должны были считать достойным презрения этого адвоката, «не считавшегося с тем, что принято называть честными приемами»...²⁵ Бесспорно, иски Робеспьера контрастировали с жалобами большинства его коллег. Однако следует воздержаться от любых обобщений и вспомнить о множестве свидетельств членов Академии Arrаса и литературного объединения «Розати», а также о корреспонденции современников (1786–1788 гг.), отмечавших одаренность Робеспьера и как адвоката, и как литератора. В 1786 г. Ле Ге, принимая Робеспьера в объединение Розати, напомнил об успехах, достигнутых в той области, где пересекались зоны деятельности коллегии адвокатов и «литературной республики»: «Тот, кто с первых своих шагов на адвокатском поприще обратил на себя взгляды своих соотечественников, сделал это, скорее, для того, чтобы засесть в Академиях, чем для того, чтобы разделить с нами скамью в саду, где мы хмелеем с кубком Бахуса в руке от сладострастных ароматов розы, рожденной из крови Адониса»²⁶. Для аббата Эбера Робеспьер был адвокатом «блистательным в самых разных стилях»; Бергенъ упоминает «красноречивого Робеспьера»; Дюбуа де Фоссе утверждает, что едва «тому стоило раскрыть рот, как все слышали его красноречие»²⁷.

²⁴ *Paris J.Au.* La jeunesse de Robespierre et la convocation des Etats généraux en Artois. Arras, 1870. P. 94.

²⁵ *Le Blond de Neuvéglise* [Liévin Bonaventure, abbé Proyard]. La vie et les crimes de Robespierre, surnommé le tyran, depuis sa naissance jusqu'à sa mort. Augsburg, 1795. P. 56, 65.

²⁶ OMR. Vol. 3. P. 217.

²⁷ *Paris J.Au.* Op. cit. P. 175, 187.

Адвокат обездоленных

Это красноречие, то есть искусство убеждения судей и публики, заключалось главным образом в изложении аргументов. Он хотел прежде всего установить факты, а также напомнить о принципах права. Робеспьер – юрист, и хороший юрист. Он умел, поскольку это было совершенно необходимо, готовить сильные юридические доводы. В деле вдовы Мерсер (1786) он взялся защищать англичанку, которая тогда была заключена за долги в тюрьму в Сент-Омере на основании существовавшей в Артуа и Фландрии привилегии городов, позволявшей кредиторам конфисковать движимое имущество иностранных должников из опасения, что те могут сбежать, и даже сажать их в тюрьму. Для того, чтобы наглядно показать незаконность подобного обращения с его клиенткой, а также потребовать для нее возмещения убытков, адвокат должен был провести точный анализ данной привилегии, ее законности и условий применения. В данном случае адвокат выстроил свою доказательственную базу вокруг кутюмов Артуа и гражданского ордонанса от 1667 г., а также вокруг судебной практики арестов, доктрины и принципов римского права. Он понимал, что это дело будет выиграно в правовом поле, и он согласился подчиняться его нормам.

Однако у Робеспьера, как и у других авторов исков по знаменитым делам, эти аргументы усилены обильным использованием *pathos* – наигранного пафоса. Нужно было обращаться к эмоциям. Робеспьер также умел вдохнуть жизнь в свой рассказ, поэтому в иске по делу госпожи Мерсер он говорил не только как адвокат. Робеспьер не стеснялся время от времени передавать слово и своей клиентке. И госпожа Мерсер воззвала к французам: «О, французы, неужто я ошибаюсь, или город, в котором я жила, это не французский город?» Она также обратилась и к англичанам: «Что бы вы подумали о моем случае?» Благодаря этим приемам адвокат пытался подчеркнуть исключительный характер дела, которое он вел, а также его международное значение.

Больше чем кто-либо другой, Робеспьер выглядел как защитник погрязшей невинности. Конечно, он вел не только эти дела. Ему приходилось помогать и вельможам, и зажиточным арендаторам. Ему также приходилось заниматься и менее значимыми делами, в которых не предстают на сцене невинные жертвы. Адвокат не может всегда выбирать свою клиентуру... Однако за некоторыми исключениями решение опубликовать документы защиты – это уже его решение. Таким образом, большинство его исков имело отношение к делам специфическим, ко-

торым он придавал большое значение и которые способствовали формированию его определенного образа. Так Робеспьер стал защитником «обездоленных». По свидетельству адвоката Демазьера от июня 1786 г., «никто из наших коллег <...> не мог бы с большим основанием считаться защитником вдов и сирот»²⁸. В начале того же года Дюбуа де Фоссе назвал Робеспьера «опорой для несчастных, мстителем за невинных»²⁹. И вновь напомним, что речь идет о некоем образе, который хотел создать сам Робеспьер и который, естественно, соответствовал действительности лишь частично. Но этот стиль жизни и этот создававшийся им образ очень важны для понимания силы красноречия адвоката Робеспьера.

Дюпон: политика в суде

До того как Робеспьера выбрали в Генеральные штаты, он в последний раз пустил в ход свое красноречие в деле Гиацинта Дюпона, и произошло это в начале 1789 г. За год до того он вступил в политическую борьбу. Когда в мае 1788 г. министр юстиции Ламуаньон захотел провести крупную судебную реформу, все судьи Епископской палаты Арраса отказались исполнять эдикты³⁰. Через несколько месяцев после этого, в феврале 1789 г., вышло первое издание сочинения Робеспьера «К гражданам Артуа». В брошюре была обозначена его позиция в связи с конфликтом, расколовшим местное общество³¹. Это была серьезная атака против провинциальных Штатов – ассамблеи трех сословий, которая должна была управлять Артуа.

Именно в этих обстоятельствах адвокат Робеспьер взялся за перо и опубликовал свой последний судебный иск в рамках громкого процесса, шедшего в Совете Артуа. И вновь это было дело из разряда тех, которые могли получить широкую огласку. И вновь, как и в деле Детёфа, Робеспьер вступил на той стадии, когда процесс уже сильно продвинулся, а несправедливость по отношению к его клиенту уже была официально признана решением суда бальи Эдена 12 марта 1788 г.³²

²⁸ Это письмо Бабёфа к Дюбуа де Фоссе, опубликовано в: *Daline V. Robespierre et Danton vus par Babeuf // ANRF. Octobre-Décembre 1960. № 162. P. 389–390.*

²⁹ *Jacob L. Robespierre vu par ses contemporains. P., 1938. P. 31. См. также: Ibid. P. 24–27.*

³⁰ OMR. Vol. 2. P. 20–21.

³¹ Два издания этого анонимного памфлета, который, как доказано, был написан Робеспьером, были перепечатаны и прокомментированы в кн.: *Legay M.-L. Robespierre et le pouvoir provincial: dénonciation et émancipation politique. Arras, 2002.*

³² *Mémoire pour le sieur Louis-Marie-Hyacinte Dupond, détenu pendant 12 ans dans une prison, en vertu de lettres de cachet, interdit durant sa captivité, spolié par une suite de vexations qui embrasse le cours de plus de 20 ans... Arras, 1789. 93 p. (опубликовано в: OMR. Vol. 11. P. 53–126).*

Отвечая на возражения противной стороны, не особо расположенной платить 6 000 ливров, назначенных его клиенту в качестве возмещения ущерба и процентов, Робеспьер потребовал нового судебного разбирательства и возмещение убытков сообразно с ущербом, нанесенном Дюпону.

Вспомним факты. Заключение без суда и следствия в тюрьму по королевскому распоряжению в декабре 1774 г., то есть всего лишь через несколько месяцев после начала правления Людовика XVI, Дюпон оставался в заточении в течение двенадцати лет «в психиатрической больнице конгрегации Благих Сынов» в Армантьере, в тюрьме, которой заведовали духовные лица. В чем, по мнению адвоката, состояло его преступление? Требование части наследства, которое его родственники разделили между собой в то время, когда он служил в различных иностранных войсках и... когда они считали его мертвым. Освобожденный после долгого и тяжелого заключения Дюпон потребовал справедливости и получил ее: незаконность его заточения была признана, его помещение под опеку аннулировано, принято постановление о возмещении убытков. Для того чтобы сломить сопротивление оппонентов своего клиента, Робеспьер вспомнил о злоключениях Дюпона и выразил несогласие с приговором суда бальи Эдена. «Как! – возмущается он. – Двенадцать лет неволи, мук! Двадцать лет ограбления, предательства, жестокостей, должностных злоупотреблений и преступлений, все доводы здравого смысла, гуманности, природы... все это оценивается в шесть тысяч ливров! Да как же так?! Компенсировать таким образом невиновность – нанести ей оскорбление!»

Как и в деле супругов Паж, выбранная Робеспьером стратегия защиты строилась на том, чтобы поставить под сомнение некоторые из действующих законов. С 1784 г. в своем тексте для Академии Меца он упоминал, хотя и с осторожностью, о предубеждениях, связанных с использованием королевского распоряжения о заключении без суда и следствия (*lettres de cachet*). На сей раз он посвятил последнюю часть своего иска его обличению. Он возмущался условиями содержания под стражей жертв королевского распоряжения, попустительству или пособничеству административных лиц, злоупотребляющих его использованием, неравенством перед законом. Он требовал простой и полной отмены *lettres de cachet*, и даже больше того, говорил о необходимости проведения глубокой реформы законов и нравов. Долгожданная Революция близка, он это понимал и звал к ее целям. Как отметил Жерар Вальтер, в последней части этого иска важен призыв

Робеспьера к королю и Неккеру³³; он обращается также к будущим депутатам Генеральных штатов и к «Отечеству», и заканчивает текст, уже даже не возвращаясь к делу своего клиента. В конце этого политико-юридического отступления на два десятка страниц в последних фразах он восхваляет магистратов, тех, кого «мир, человечество и последующие поколения», уверяет он, не забудут как «освободителей» родины.

Нужно ли считать этот текст политическим выступлением адвоката, стремившегося в полной мере участвовать в дебатах, предшествовавших созыву Генеральных штатов? Без сомнения! Однако нельзя забывать, что этот документ также способствовал защите его клиента и что его целью было выиграть процесс, связав его с актуальными тогда политическими целями и задачами и обязав магистратов обозначить свою позицию в этом вопросе. В данном отношении дело Дюпона схоже с делом о громоотводе. В 1783 г. Робеспьер превратил дело о громоотводе в дело о науке, вынудив магистратов проявить себя в качестве защитников Просвещения и прогресса. Шесть лет спустя дело Дюпона стало делом, в котором нация выступала против несправедливости и в котором были тесно увязаны между собой частные интересы и интересы родины. Благодаря использованию риторических приемов, отточенных долгой практикой, благодаря разоблачению предрассудков в рамках академических размышлений, адвокат Робеспьер входил в Революцию одновременно и через Дворец правосудия, и через общественное пространство.

В последующие недели Робеспьер опубликовал еще два памфлета – «К гражданам Артуа» и «Враги отечества», а затем полностью погрузился в предвыборную борьбу за депутатское место от третьего сословия в Генеральных штатах. Он писал и говорил так же, как делал это, будучи адвокатом, и в итоге заставил избрать себя депутатом от третьего сословия Артуа. Теперь и роль его изменилась, и себя он стал подавать уже иначе. В апреле и мае 1789 г. он уже не выступал как адвокат обездоленных, он стал «защитником народа»³⁴. Его профессия адвоката, его опыт в ведении громких дел подготовили его к исполнению новых обязанностей.

³³ *Walter G. Maximilien de Robespierre*. [1961]. P., 1989. P. 65–68.

³⁴ Он использовал это выражение в: *Les ennemis de la patrie, démasqués par le récit de ce qui s'est passé dans les Assemblées du tiers état de la ville d'Arras*. P. 42, 57.

Список литературы

- Bell D.A.* Lawyers and Citizens. The Making of a Political Elite in Old Regime France. N-Y., Oxford, 1994.
- Caradonna J.L.* Prendre part au siècle des Lumières. Le concours académique et la culture intellectuelle au XVIIIe siècle // *Annales. Histoire, Sciences sociales.* 2009. № 3.
- Daline V.* Robespierre et Danton vus par Babeuf // *AHRF.* Octobre-Décembre 1960. № 162.
- Eclaircissement écessaire, dans la cause du sieur Rocard; contre Agathe Alexandre. S.l., s.d. 7 p.
- Guilhaumou J.* Robespierre et la formation de l'esprit politique au cours des années 1780. Pour une ontologie historique du discours robespierriste // *Mots. Les langages du politique.* 2009. № 89.
- Jacob L.* Robespierre vu par ses contemporains. P., 1938.
- Le Blond de Neuvéglise* [Liévin Bonaventure, abbé Proyard]. La vie et les crimes de Robespierre, surnommé le tyran, depuis sa naissance jusqu'à sa mort. Augsburg, 1795.
- Legay M.-L.* Robespierre et le pouvoir provincial: dénonciation et émancipation politique. Arras, 2002.
- Lemay E.H.* La composition de l'Assemblée nationale constituante: les hommes de la continuité // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1977. № 24–3.
- Leuwers H.* Les avocats défenseurs des Lumières et de la liberté? Problèmes d'analyse autour des factums // *Les parlements et les Lumières /* Sous dir. de O. Chaline. Pessac, 2012.
- Leuwers H.* Les factums de l'avocat Robespierre. Le choix d'une défense par l'imprimé // *Annales historiques de la Révolution française.* 2013. № 1.
- Maza S.* Vies privées, affaires publiques. Les causes célèbres de la France prérévolutionnaire. P., 1997.
- Mémoire et consultation pour Me Augustin-Grégoire Boutroue, professeur d'humanités, au collège d'Anchin, à Douai. Contre Me Simon, professeur en droit, & ancien recteur de l'Université de Douai. Arras, s.d. [1787].
- Mémoire justificatif pour François Page, orfèvre à Béthune, et Marie Angélique Pruvost, sa femme. Arras, Veuve M. Nicolas, 1786.
- Mémoire pour François Deteuf, demeurant au village de Marchiennes; contre les grand-prieur & religieux de l'abbaye d'Anchin. Arras, 1784.

- Mémoire pour le sieur Louis-Marie-Hyacinthe Dupond, détenu pendant 12 ans dans une prison, en vertu de lettres de cachet, interdit durant sa captivité, spolié par une suite de vexations qui embrasse le cours de plus de 20 ans... Arras, 1789.
- Mémoire pour le sieur Rocard, chirurgien-oculiste, pensionné des Etats d'Artois & de Cambrésis. Contre Agathe Alexandre. Arras, 1788.
- Mémoire pour les sieurs Antoine Pepin, fermier au village de Bailloëul-lez-Pernes, lieutenant dudit lieu; François-Marie Pepin, fermier de la ferme de La Fertée; & Amand d'Herlin, fermier au village d'Heuchin. Contre le nommé Jacques Dubois, maquignon, demeurant au village de St. Hilaire. [Arras], s.d [1787].
- Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères. P, 1835. 2ème éd. *Lüsebrink H.-J.* Les représentations sociales de la criminalité en France au XVIIIe siècle. Thèse EHESS, dir. D. Roche, dactylographiée. 1983.
- Paris J.Au.* La jeunesse de Robespierre et la convocation des États généraux en Artois. Arras, 1870.
- Tackett T.* Par la volonté du peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997.
- Walter G.* Maximilien de Robespierre. [1961]. P., 1989.